

ИДИОМАТИКА РУССКОГО АВАНГАРДА В ЯЗЫКОТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА: ОТ ТРАДИЦИИ К ЭКСПЕРИМЕНТУ

IRINA V. ZYKOVA

THE RUSSIAN AVANT-GARDE IDIOMATICS IN VELIMIR KHLBNIKOV'S LANGUAGE-CREATIVITY:
FROM TRADITION TO EXPERIMENT

Статья направлена на разработку теории и методологии изучения идиоматики русского авангарда, которая проводится на материале произведений Велимира Хлебникова. Особое внимание уделяется анализу модификаций «традиционных» фразеологизмов, представляющих собой один из типов вербальной идиоматики авангарда. Устанавливаются и описываются лингвоэкспериментальные (когнитивные) стратегии преобразования фразеологических единиц, которые применяет автор с целью создания нового языка (или «языка будущего») в литературе и искусстве и утверждения новых лингвоэстетических канонов в поэтическом творчестве.

Ключевые слова: идиоматика авангарда; кубофутуризм; Хлебников; русская фразеология; языковой эксперимент; модификация фразеологизма.

The article aims to elaborate the theory and methodology of studying the Russian avant-garde idioms. The research is carried out on the material of Velimir Khlebnikov's works. Special attention is paid to the analysis of modified "traditional" idioms that represent one of the types of verbal avant-garde idiomatics. The linguoexperimental (cognitive) strategies of phraseological transformations used by the author to create a new language (or "a language of the future") in literature and art as well as to establish new linguistic-aesthetic canons in poetry are detected and described.

Keywords: avant-garde idioms; Cubo-Futurism; Khlebnikov; Russian phraseology; language experiment; modification of a phraseological unit.

Ирина Владимировна Зыкова

Доктор филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
Институт языкознания РАН
Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1
Москва, 125009, Россия
► zykova_iv@mail.ru

Irina V. Zykova

Institute of Linguistics,
Russian Academy of Sciences
1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane,
Moscow, 125009, Russia

Идиоматика авангарда, как новое междисциплинарное направление современной гуманитарной науки, своему становлению в наши дни обязана богатому литературному и художественному наследию представителей раннего авангарда, особое положение среди которых занимает Велимир Хлебников — один из главных теоретиков кубофутуризма.

Начало XX века — время радикальных преобразований в русской культуре, проводимых в условиях так называемой социальной «турбулентности» и ознаменовавшихся появлением ряда новых направлений в искусстве и литературе, к числу которых относится кубофутуризм. Как известно, одной из главных установок данного направления было создание «языка будущего» в искусстве и литературе на базе разработки новых

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00134 «Идиоматика русского авангарда: Словарь нового типа») в Институте языкознания РАН

эстетических принципов и канонов. Проводимые с этой целью языковые эксперименты требовали глубокой метаязыковой рефлексии в отношении самых разных аспектов языка и креативного потенциала единиц различных уровней языковой системы. Очевидно, что новаторские идеи кубофутуристов находили воплощение в результатах их теоретизирования и экспериментальной работы, которые непосредственным образом затрагивали фразеологию и идиоматику русского языка. Подтверждением того, что фразеология представляла для кубофутуристов особый интерес, является следующее положение из манифеста «Supplementum к поэтическому контрапункту» (1914), в котором Н. Бурлюк говорит о важности «помнить: что для нашего времени и для нашей души необходим другой подход к словесному искусству, к приемам выразительности. Наша же азбука, наш поэтический лексикон, наша **фразеология** (выделено нами. — И. З.) создались исторически, но не по законам внутренней необходимости» [9: 753]. Данная цитата примечательна не только тем, что несет прямое указание на включение фразеологии в поле лингвистического, а также и художественного эксперимента, но и тем, что содержит указание на ее метадиалектическое (т. е. свойственное конкретному направлению, возникшему в русской культуре, — кубофутуризму) своеобразие, маркируемое притяжательным местоимением «*наша*», и на обусловленный определенным социокультурным и историческим контекстом характер ее появления и формирования (см. подробнее в: [6]). Кроме того, на глубинную внутреннюю связь идиоматики с установками авангарда на новаторство (в широком контексте его реализации) указывает этимология слова *идиома* (от греч. *idioma*), одними из первичных смыслов которой являются ‘особенность, своеобразие’, ‘созданный из самого себя’, ‘творение своего собственного’ [7; 18].

В создании отдельной подсистемы «языка будущего» — идиоматики авангарда, изучение которой требует интеграции двух научных областей — теории фразеологии (или теории идиоматики) и филологической теории авангарда, значимую роль играют произведения Велимира

Хлебникова (см. также: [7]). Они формируют, по выражению С. Е. Бирюкова, «теоретический и практический потенциал» [1: 67] нового авангардного движения и являются, по мнению многих современных исследователей, образцами подлинного литературного и поэтического новаторства.

При определении идиоматики авангарда следует учитывать особую поликодовую природу авангардного дискурса, обусловленную синтезом и интеракцией в нем знаковых средств разных семиотических систем (язык, живопись, музыка, киноискусство и др.). С учетом данного факта под термином «**идиоматика авангарда**» в нашем исследовании понимается «совокупность разного рода средств (вербальных и невербальных), целенаправленно создаваемых авангардистами в результате экспериментов, в основе которых лежат эстетическая и прагматическая интенции формирования нового художественного языка литературы и искусства» [8: 10]. Из этого широкого определения прежде всего следует необходимость разграничения двух видов идиоматики авангарда — **вербальной идиоматики** и **невербальной идиоматики**. Вербальная идиоматика авангарда, согласно разрабатываемой в нашей работе концепции, представляет собой совокупность вербальных средств двух основных типов.

К первому типу относятся **собственно авангардные идиомы** — языковые единицы со структурой словосочетания (возможно, со структурой слова и предложения), целенаправленно создаваемые в результате проведения языковых экспериментов в литературном авангарде. Например, в произведениях Хлебникова к такого рода идиомам можно отнести языковые идиоматические новации *заумный язык (> заумь)*; *самовитое слово*; *че воды*; *смеяться смехом*; *чароваться и чураться*; *могуч меж* (от «жемчуг»); *будрое дитя* (от «мудрый» и «будущее»); *край инес* (от «иной» + «небеса»); *доски судьбы*; *Бобеоби пелись губы*; *зачеловеческие сны*. Укажем, что об общих категориальных признаках собственно авангардных идиом и методе их идентификации в авангардном дискурсе подробно написано в работах [5; 8]). Здесь же представляется важным подчеркнуть,

что в основу создания Хлебниковым собственно авангардных идиом положены разрабатываемые им экспериментальные поэтические приемы и вводимые в область поэтической практики языковые новации, позволяющие создавать особые — идиоматические — построения. По замечанию Н. И. Харджиева, «Хлебников был одним из создателей нового поэтического образа, основанного на неожиданных ассоциативных сближениях отвлеченных понятий и конкретных представлений, на сочетании слов самых отдаленных смысловых рядов» [13: 230].

Второй тип единиц идиоматики авангарда составляют «традиционные» фразеологизмы разных структурно-функциональных классов, экспериментально используемые в произведениях литературного (а также и художественного) авангарда в модифицированных (или окказиональных), а также и в узуальных формах, например:

- (1а) *тянуть канитель* > Если мое робкое допущение / Что золото, которое вы тянули, когда смеясь рассказывали о любви / <...> Справедливо <...> (Хлебников, «Крымское»);
- (1б) *идти в ногу с кем-/чем-либо, быть на «ты» с кем-/чем-либо* > Свобода приходит нагая, / Бросая на сердце цветы, / И мы, с нею в ногу шагая, / Беседуем с небом на ты. (Хлебников, «Свобода приходит нагая»).

В настоящей статье в фокусе внимания находится второй тип вербальной идиоматики авангарда — «традиционные» фразеологизмы (в широком понимании), которые употребляются в поэтических и прозаических текстах Хлебникова. Особое внимание уделяется анализу применяемых методов модификации базовых форм фразеологических единиц.

Важно подчеркнуть, что изучение фразеологического пласта языка в литературном творчестве Хлебникова представляет значительный интерес прежде всего в силу особого отношения поэта к мифологии и фольклору, представляющими собой, как известно, первичные источники для создания традиционной (общенародной) фразеологии (в широком смысле). Как отмечает С. Е. Бирюков, «к фольклору и мифологии на новом уровне впервые обратились символисты. <...> Однако они невольно нарушили одно из важных

оснований фольклорно-мифологического — наивность. <...> Говоря фольклорно, символисты стали здесь „мертвой водой“, „живой водой“ пришлось стать футуристам-будетлянам, прежде всего Хлебникову <...>» [1: 78]. По замечанию Н. И. Харджиева, «широкое эпическое пространство поэзии Хлебникова вобрало в себя различные элементы — из украинского фольклора, из литовской мифологии, из гуцульских народных сказок и даже из орончонской космогонии» [13: 297]. По мнению Т. В. Цивьян, «экспериментатор по преимуществу, Хлебников — не только поэт-творец/мифотворец, но и исследователь, опирающийся на лингвистическую теорию и одаренный лингвистическим чутьем, которое он проверяет и оттачивает, черпая из разных языковых пластов <...>» [17: 106] (см. также: [10; 11]).

Рассмотрение специфики использования фразеологии представителями раннего авангарда, и прежде всего Хлебниковым, наводит В. П. Григорьева на мысль о необходимости введения термина «трансфразеология». По мнению исследователя, данный термин позволяет «выйти за пределы нормативного литературного языка (ЛЯ) и поискать фразеологические или квазифразеологические корреляты и аналоги в языке художественной литературы (ЯХЛ)» [3: 246]. Обосновывая целесообразность ввода нового термина В. П. Григорьев опирается на утверждение Г. О. Винокура о том, что в поэтическом языке «всякое сочетание слов в тенденции превращается в тесное, в фразеологическое единство, в нечто устойчивое, а не случайное» (цит. по: [Там же: 247]). Подчеркивая, что эта «тенденция» реализуется в XX веке на значительном материале, существенном в эстетическом отношении, под «трансфразеологией» В. П. Григорьев предлагает понимать прежде всего фразеологию современного поэтического языка (языка художественной литературы) в рамках XX в. [Там же]. Однако, признавая, что поэтический язык может рассматриваться «и как язык с самой широкой установкой на творчество», он считает важным включить в состав «трансфразеологии»: 1) все способы преобразования фразеологии общего языка и «любые случаи фразеологического наприя-

жения во всех сферах языкового функционирования — от разговорной речи до языка фольклора» (например, *самогонный аппарат* > «аппаратные игры»); 2) все способы преобразования общенародной фразеологии и случаи фразеологического напряжения, но применительно к языку художественной литературы (например, *лес не рубят, а щепки летят* (Межиров)); 3) цитаты, реминисценции, аллюзии; 4) афоризмы (например, *Я — Разин и заря* (Хлебников)) [3: 247–248].

Материалом для нашего исследования послужили поэтические и прозаические тексты Хлебникова, содержащиеся в первом, втором и шестом томах собрания его сочинений [14; 15; 16]. Проведенное нами исследование показало, что обращение Хлебникова к фонду русской фразеологии является весьма не редким, но характеризуется своей спецификой, обусловленной экспериментальной направленностью творчества автора.

Согласно полученным данным, используемые поэтом «традиционные» фразеологизмы весьма разнородны. Их систематизация позволяет выявить следующие типы фразеологических единиц, функционирующих в анализируемых произведениях и участвующих в процессе структурирования в определенном ключе их (т. е. произведений) смыслового пространства:

- фразеологизмы-термины или идиомы-термины, например: *земной шар*;
- (2) *Дар права всем государствам **земного шара** (все равны — нет любимцев и сынков) быть разбитыми через 3^ю дней после своей победы* [16: 282];
- общезыковые идиомы, например: *стоять на страже*;
- (3) *<Зачем> в броне смертей и гроба / **Стою на страже** деньгорода, / Кольчугой мрака защищен* [15: 20];
- коллокации или фразеоматизмы, например: *давать клятву*;
- (4) *И, млат схватив, стал меч ковать из руд, / **Дав клятву** показать вселенной, / Что значит русских суд!* [14: 212];
- фразеологические единицы метаязыкового и модального характера, например: *так сказать*;
- (5) *Кому сказатеньки, / Как важно жила барынька? / Нет, не важная барыня, / А, **так сказать**, лягушечка* [Там же: 197];

- паремии (пословицы, поговорки и др.), например, *[сам] черт не брат*;
- (6) *Граблями дев бесолюбивых, / **Которым черт не брат, но друг*** [Там же: 169];
- прецедентные феномены, например, прецедентная ситуация, восходящая к античному мифу о похищении Прометеем огня у богов, в наказание за которое он был прикован цепями к отвесной скале;
- (7) *Судьба! Не ослабла ли твоя власть над человеческим родом, оттого что я **похитил тайный свод законов, которыми ты руководишься, и какой ждет меня утес?*** [Там же: 156];
- иноязычные устойчивые языковые единицы, например: *habeas corpus*;
- (8) *Тейлоризация правительств, / И горца **Habeas corpus**, / За поясом в оправе, / Учитель равенства — кинжал* [15: 134];
- фразеосхемы или фразеологизмы-конструкции, например: *X — не Y* (или <существительное или местоимение> — не <существительное или местоимение>);
- (9) *Собачка машет хвосточком, лает. / **Старушка идет милая, / В руке дрожит сетяной мешочек. / Я — не Чехов.*** [14: 134];
- ситуативные клише, например: *до свидания*;
- (10) *Кравы: Измайлов, Философов, Ясиныкий и другие, щекочущие мышки читателя лаятели. **До свидания, г.г. быки!*** [16: 228].

Необходимо отдельно отметить, что, согласно полученным данным, языковое экспериментирование, поиск новых форм выразительности и новых лингвоэстетических канонов затрагивают фразеологический пласт языка в значительной мере. Результатом языковых экспериментов Хлебникова в отношении «традиционных» фразеологизмов является их модифицирование, в ходе которого они получают различную степень внешнего (или формального) и внутреннего (или смыслового, семантического) преобразования в его поэтических и прозаических текстах.

Прежде всего, необходимо указать, что весьма частотными являются модификации с заменой исходных компонентов фразеологизмов, например:

- (11) *род человеческий > род **смертный**: В высоком и отвесном храме / Здесь **рода смертного** отцы / Взошли на купола концы* [15: 91];
- (12) *широкий кругозор > **далекий** кругозор: Бегава вод с верхот в долину. / **Верхарня серых гор. / Далекий кругозор*** [Там же: 67].

- (13) *пляска смерти* > *смертирей беззыбких* *пляска*: *Смертирей беззыбких пляска*, / *Времирей узывных сказка* [14: 46];
- (14) *не открывать/раскрывать рот* > *не раскрывать свой гордый рот*: *И памятник вели в участок, / Но он не раскрыл свой гордый рот* [Там же: 218].

Примечательно, что замена компонентов может сопровождаться встраиванием новых компонентов в базовую форму образа или их преили постпозиционным приращением к последней (примеры 13 и 14; о когнитивных стратегиях модификации фразеологизмов см. подробнее в: [4]). Варианты применения данных лингвоэкспериментальных (когнитивных) стратегий можно также наблюдать и в следующих контекстах:

- (15) *земной шар* > *земной шар-мальчик*: *Украденный труп солнца в продаже*. / — *Труп солнца, труп солнца!* — кричит *земной шар-мальчик* [15: 18];
- (16) *входить в сердце* > *входить в сердце, как волна*: *Душу ты пьанишь, как струны, / В сердце входил, как волна!* [14: 109].

Замена исходных компонентов фразеологизмов может приводить к (существенному) преобразованию их грамматической структуры, одним из примеров которого является модификация фразеологизма *кануть в лету* в таком контексте, как:

- (17) *Я времушком-камушком игрывало / И времушек-камушек кинуло, / И времушко-камушко кануло* [Там же: 74].

Модификация (17) любопытна и с точки зрения тех изменений, которые претерпевает образ, лежащий в основе значения рассматриваемой идиомы *кануть в лету* — ‘бесследно исчезнуть, быть навсегда забытым’ [12]. Образ реки забвения (Лета), пересекая которую (или используя воду которой), согласно древнегреческой мифологии, душа человека освобождается от всего земного, забывает все, что было в земной жизни, усиливается за счет прямого указания на время посредством «встраиваемого» нового компонента *времушко-*, уподобляемого камню (*-камушко*), который можно «кинуть» в водную стихию реки, в которой он исчезнет навсегда, что в свою очередь интенсифицирует семантику акта предания забвению.

Надо сказать, что фразеологические эксперименты Хлебникова носят и более радикальный характер. Одной из лингвоэксперименталь-

ных (когнитивных) стратегий, характеризующих идиостиль поэта и одновременно теоретика «языка будущего» и «самовитого слова», является такой способ модификации фразеологизмов, при котором сохраняется основной (ключевой) смысл, но форма фразеологической единицы преобразуется радикально. При таком «переформатировании» степень узнаваемости фразеологизма (*recognizability*) в поэтических и прозаических текстах (существенно) снижается. Последнее указывает на потребность в привлечении специальных аналитических процедур, позволяющих реконструировать связь модификации с исходной формой фразеологической единицы. Такого рода модификации можно обнаружить в следующих контекстах:

- (18) *И вот весенний бог / (Осетр удивленный) / Лежит на каждой лодке / У мокрого листа* [15: 47].

Данные стихотворные строки созданы как результат преобразования (или даже значительной поэтической переработки) базовой формы такой русской поговорки, как *Просит осетр дождя, в Волге лежа* [Там же: 511]. Несмотря на столь радикальное изменение, модифицированная поговорка продолжает служить целям придания иронично-шутливого оттенка создаваемому поэтическому образу.

- (19) *Чтоб писалось туго и читалось туго, неудобнее смазанных сапог или грузовика в гостинной* [16: 332].

Анализ выражения *грузовик в гостинной* позволяет выявить его структурно-семантическую связь с фразеологизмом *слон в посудной лавке* и рассматривать его как своеобразную модификацию последнего, сохраняющую ядерный смысл — ‘неудобство (или состояние затрудненности), вызванное соединением двух принципиально несовместимых предметов/объектов’. При полной замене компонентов неизменной остается синтаксическая структура фразеологизма.

- (20) *Но я, опьяняемый тонкою бровью, / Молнии слов серебро вью* [15: 29].

Согласно исследованию, в своей образной основе фраза «*молнии слов серебро вью*» восходит к «традиционному» фразеологизму *тянуть канитель* (канитель — ‘тончайшая серебряная или

золотая нить для вышивания или создания украшений’), а также связана по смыслу с общеязыковой идиомой *плести кружева* со значением ‘кокетничать, заигрывать с кем-либо’ [12]. Созданная модификация представляет собой результат языкового экспериментирования, позволяющего актуализировать архаические культурные смыслы базовой формы образа исходного фразеологизма, смещая акцент с монотонности и однообразия произносимых слов (см. современное значение *тянуть канитель* — ‘говорить однообразно, нудно’ [Там же]) на искусность или мастерство их создания, их яркость и (само)ценность.

- (21) *Мы верим в себя и с негодованием отталкиваем порочный шепот людей прошлого, мечтающих уклонить нас в пядю. Ведь мы босы. (Ошибка в согласной)* [16: 246].

Выражение *уклонить нас в пядю* является модификацией фразеологизма *Ахиллесова пята*. Сохраняя основной смысл — ‘поражение противника в самое уязвимое (незащищенное) место, приводящее к его неминуемой гибели’, фразеологизм меняет свои грамматические свойства, переходя из класса субстантивных единиц в класс глагольных фразеологизмов.

Подобного рода преобразованиям подвергается в произведениях Хлебникова и «традиционный» фразеологизм *детский лепет*, который кардинально модифицируется, получая глагольную форму *говорить, как дитя*:

- (22) *Учитель: Ты говоришь, как дитя. Но еще что ты думал в это время?* [Там же: 43].

Вывод о том, что данная глагольная единица представляет собой случай модификации фразеологизма, позволяет сделать установленный факт неоднократного использования поэтом рассматриваемой идиомы в ее базовой форме, например:

- (23) *Число сошлось — и речи верны, / И лепет детский глубже книг, / Но где их нет, то место скверно* [Там же: 268].
 (24) *Учение о переселении душ было детским лепетом о том же* [Там же: 298].

Модификация базовой формы фразеологизма, осуществляемая преобразованием его компонентов — *детский* в *дитя* и *лепет* в *говорить* —

и объединением последних в единую новую конструкцию посредством сравнительного союза *как*, позволяет смягчить в данном контексте (в определенной мере) неодобрение, передаваемое исходной формой единицы (см. значение в: [2]).

Особого внимания заслуживают выявленные в ходе исследования случаи своеобразных (радикальных) модификаций фразеологизмов других языков. Одним из весьма показательных примеров таких случаев является следующее стихотворение:

- (25) *Когда был Адам и Ева, / Кто был правый, кто был левый?* [14: 156].

Данное выражение представляет собой лингвоэкспериментальное преобразование английской поговорки *When Adam delved and Eve spun, Who was then the gentleman?* («Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто был господином?»), «исторически восходящей к уравнивательной идеологии крестьянского восстания Уатта Тайлера (1381 г.)» [Там же: 471]. Одним из мотивов формирования данной модификации видится стремление автора к созданию содержательно емкой, броской и остроумной лингвопоэтической формы, транслирующей определенные идеологические или политические взгляды.

Подводя итог всему вышесказанному, мы можем сделать следующее заключение. Языкотворчество Велимира Хлебникова вносит значительный вклад в **формирование новой подсистемы языка — идиоматики русского авангарда**, а также в **развитие общей фразеологии русского языка**, обогащая последнюю уникальными, особенно выразительными единицами — собственно авангардными идиомами — и вскрывая ее внутренние потенциальные креативные ресурсы посредством создания оригинальных модификаций фразеологических единиц. Экспериментируя с «традиционными» фразеологизмами, поэт стремится выработать **лингвоэкспериментальные стратегии**, оптимальные для достижения целей создания новой художественной (или поэтической) реальности и утверждения определенного (лингво)эстетического канона. В своих экспериментальных поисках новых форм для «традиционного» (в данном случае «традиционных» фразеологизмов) Хлебников обнажает глубинные

когнитивные основания фразеологизмов и их сокровенные культурные корни; актуализирует значимость комплексного выполнения ими таких функций языка, как поэтическая, метаязыковая, эмотивная, конативная и лудическая.

В целом проведенное исследование позволяет уточнить разрабатываемую методологию изучения идиоматики русского авангарда и снабдить новыми эмпирическими данными теорию идиоматики авангарда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюков С. Е. Поэзия русского авангарда. М., 2001.
2. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2006.
3. Григорьев В. П. Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: Избр. работы. 1958–2000-е годы. М., 2006.
4. Зыкова И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М., 2015.
5. Зыкова И. В. Идиоматика авангарда: ID card идиомы в авангардном дискурсе // Когнитивные исследования языка. Вып. 35. 2018. С. 210–219.
6. Зыкова И. В. «Назад в будущее»: разработка идиоматики в кубофутуризме // Когнитивные исследования языка. Вып. 36. 2019. С. 555–566.
7. Зыкова И. В. Роль идиоматики в поэтике авангардного дискурса: когнитивный подход // Сборник Матице српске за славистику. 2019. Вып. 96. С. 133–153.
8. Зыкова И. В., Соколова О. В. Языковой эксперимент как установка на идиоматизацию в манифестах кубофутуристов: Идиоматика авангарда // Вопр. когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 7–20.
9. Литературные манифесты и декларации русского модернизма. СПб., 2017.
10. Седякова О. Этнографический комментарий к одной строфе Хлебникова // Поэзия и живопись: Сб. трудов памяти Н. И. Харджиева. М., 2000. С. 352–356.
11. Сигей С. Пьесы Велимира Хлебникова (некоторые наблюдения) // Поэзия и живопись: Сб. тр. памяти Н. И. Харджиева. М., 2000. С. 369–379.
12. Фразеологический словарь русского литературного языка. URL: <https://phraseology.academic.ru/>.
13. Харджиев Н. И. От Маяковского до Крученых: Избр. работы о русском футуризме / Сост. С. Кудрявцев. М., 2006.
14. Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Литературная автобиография. Стихотворения 1904–1916 / Под общ. ред. Р. В. Дуганова. М., 2000.
15. Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 2. Стихотворения 1917–1922 / Под общ. ред. Р. В. Дуганова. М., 2001.
16. Хлебников В. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Кн. первая. Статьи (наброски). Ученые тр. Воззвания. Открытые письма. Выступления. 1904–1922 / Под общ. ред. Р. В. Дуганова. М., 2005.
17. Цивьян Т. В. Язык: Тема и вариации: Избр.: В 2 кн. Кн. 2. М., 2008.
18. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>.

REFERENCES

1. Biryukov S. E. (2001) *Poeziia russkogo avangarda [Poetry of the Russian avant-garde]*. Moscow, (in Russian)
2. Teliya V. N., ed. (2006) *Bol'shoi frazeologicheskii slovar' russkogo iazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kul'turologicheskii kommentarii [Large phraseological dictionary of the Russian language. Meaning. Use. Culture commentary]*. Moscow, (in Russian)
3. Grigor'ev V. P. (2006) *Velimir Khlebnikov v chetyrekhmernom prostranstve iazyka: Izbrannye raboty. 1958–2000-e gody. [Velimir Khlebnikov in the four-dimension space of language: Selected works. 1958–2000-ies]*. Moscow, (in Russian)
4. Zykova I. V. (2015) *Kontseptosfera kul'tury i frazeologiya: Teoriya i metody lingvokul'turologicheskogo izucheniya. [Conceptual sphere of culture and phraseology: Theory and methods of linguocultural study]*. Moscow, (in Russian)
5. Zykova I.V. (2018) *Idiomatika avangarda: ID card idiomu v avangardnom diskurse [Avant-garde Idiomatics: ID card of idioms in the avant-garde discourse]*. In: *Kognitivnye issledovaniya iazyka [Cognitive studies of language]*, iss. 35, pp. 210–219. (in Russian)
6. Zykova I.V. (2019) «Nazad v budushchee»: razrabotka idiomatiki v kubofuturizme [“Back to the future”: the development of idioms in Cubo-Futurism]. In: *Kognitivnye issledovaniya iazyka [Cognitive studies of language]*, iss. 36, pp. 555–566. (in Russian)
7. Zykova I.V. (2019) *Roľ idiomatiki v poetike avangardnogo diskursa: kognitivnyi podkhod [The Role of idiomatics in the poetics of the avant-garde discourse: a cognitive approach]*. In: *Zbornik Matitse srpske za slavistiku [Matica Srpska Journal of Slavic Studies]*, iss. 96, pp. 133–153. (in Russian)
8. Zykova I. V., Sokolova O. V. (2019) *Iazykovoi eksperiment kak ustanovka na idiomatizatsiu v manifestakh kubofuturistov: Idiomatika avangarda [Linguistic experiment as an attitude to idiomatization in Cubists-Futurists' manifesto: the avant-garde idiomatics]*. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki [Issues of cognitive linguistics]*, no. 2, pp. 7–20. (in Russian)
9. *Literaturnye manifesty i deklaratsii russkogo modernizma [Literary manifestos and declarations of Russian modernism]* (2017). St. Petersburg, (in Russian)
10. Sedakova O. (2000) *Etnograficheskii kommentarii k odnoi strofe Khlebnikova [Ethnographic commentary on one verse of Khlebnikov]*. In: *Poeziya i zhivopis': Sbornik trudov pamiati N. I. Khardzhieva [The Poetry and painting: Works devoted to the memory N. I. Hardzhiev]*. Moscow, pp. 352–356. (in Russian)
11. Sigei S. (2000) *Pesy Velimira Khlebnikova (nekotorye nabludeniya) [Velimir Khlebnikov's plays (some observations)]*. In: *Poeziya i zhivopis': Sbornik trudov pamiati N. I. Khardzhieva [The Poetry and painting: Works devoted to the memory N. I. Hardzhiev]*. Moscow, pp. 369–379. (in Russian)
12. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka [Phraseological dictionary of Russian literary language]* (2008). Available at: <https://phraseology.academic.ru/> (in Russian)
13. Hardzhiev N. I. (2006) *Ot Maiakovskogo do Kruchenykh: Izbrannye raboty o russkom futurizme [From Mayakovsky to Kruchenykh: Selected works on Russian futurism]*. Moscow, (in Russian)
14. Khlebnikov V. (2000) *Sobranie sochinenii [Collected works]*, in 6 vols., vol. 1. *Literaturnaia avtobiografiya. Stikhotvoreniya 1904–1916 [Literary autobiography. Poems 1904–1916]*. Moscow, (in Russian)
15. Khlebnikov V. (2001) *Sobranie sochinenii [Collected works]*, in 6 vols., vol. 2. *Stikhotvoreniya 1917–1922 [Poems 1917–1922]*. Moscow, (in Russian)
16. Khlebnikov V. (2005) *Sobranie sochinenii [Collected works]*, in 6 vols., vol. 6. *Kniga pervaya. Stat'i (nabroski). Uchenye trudy. Vozzvaniiya. Otkrytye pis'ma. Vystupleniya. 1904–1922 [Book one. Articles (notes). Scientific works. Appeals. Open letter. Performances. 1904–1922]*. Moscow, (in Russian)
17. Tsivyan T. V. (2008) *Iazyk: Tema i variatsii: Izbrannoe [Language: Theme and variations: Selected works]*, in 2 books, book 2. Moscow, (in Russian)
18. Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/>